

Глава I

Это был день свадьбы Ван Луна. Сначала, открыв глаза во тьме полога над кроватью, он не мог понять, почему сегодня рассвет кажется не таким, как в другие дни. В доме стояла тишина, нарушаемая только слабым, прерывистым кашлем старика отца, спальня которого отделялась от спальни сына средней комнатой. Кашель старика всегда был первым звуком, раздававшимся в утренней тишине. Обычно Ван Лун лежал и прислушивался к нему, пока дверь старика не начинала скрипеть, поворачиваясь на деревянных петлях, и кашель не слышался ближе. Но в это утро он не стал дожидаться. Он вскочил и раздвинул полог кровати. Рассвет был мглистый и румяный; сквозь квадратное отверстие маленького окна, в котором трепались на ветру обрывки бумаги, сверкал клочок бронзового неба. Он подошел к окну и отодрал бумагу.

— Теперь весна, и мне это не нужно, — прошептал он.

Ему стыдно было сказать вслух, как ему хочется, чтобы сегодня в доме было чисто. В окно с трудом проходила рука, и он просунул ее наружу, что-

бы узнать, какая сегодня погода. Теплый, насыщенный влагой ветер тихо дул с востока, по временам налетая с легким шорохом. Это был добрый знак. Полям нужен был дождь, чтобы они принесли урожай. Сегодня простоит сухая погода, но через несколько дней, если ветер не уляжется, будет дождь. Это хорошо. Еще вчера он говорил отцу, что если эта солнечная погода простоит еще несколько дней, то пшеница не нальет колоса. А теперь небо словно нарочно выбрало этот день, чтобы поздравить его. Земля принесет урожай.

Он торопливо вышел в среднюю комнату, на ходу подтягивая синие штаны и завязывая пояс из синей бумажной материи. Верхнюю часть тела он оставил обнаженной, покуда не нагреет воды и не вымоется. Он прошел в пристройку, служившую кухней, и в темноте из угла рядом с дверью бык повернул к нему голову и глухо заревел. Кухня была сложена из необожженных кирпичей, как и самый дом, из больших квадратов глины, выкопанных с их поля, и покрыта соломой от их пшеницы. Из своей глины его дедушка сложил и печку, обожженную и закоптелую от многолетней стряпни. На печи, сложенной из глины, стоял глубокий круглый чугунный котел. Этот котел он налил до половины, черпая воду тыквой из большого глиняного горшка; он черпал бережно, потому что вода была на вес золота. Потом, после минутного колебания, он вдруг поднял горшок и вылил всю воду в котел. В этот день он вымоется с ног до головы. С тех пор как он был ребенком и сидел на коленях матери, никто не видел его тела. А сегодня его увидит женщина, и ему хочется, чтобы оно было чистым.

Он зашел за печку и, набрав горсть сухой травы и соломы, лежавших в углу кухни, старательно уложил их в устье печки, расправляя каждую травинку. Потом высек огонь старым кремнем и огнивом, сунул в солому, и пламя вспыхнуло.

Сегодня последний раз ему приходится разводить огонь самому. Он разводил его каждое утро с тех пор, как шесть лет тому назад умерла его мать. Он каждое утро разводил огонь, кипятил воду, наливал ее в чашку и нес в комнату отца, где старик сидел на постели, кашляя и нащупывая ногами башмаки на полу. Все эти шесть лет старик каждое утро дожидался, пока сын принесет ему горячей воды, чтобы смягчить кашель. Теперь и отец и сын смогут отдохнуть. Скоро в дом войдет женщина. Ван Луну не придется больше вставать на рассвете и зимой и летом и разводить огонь. Можно лежать в постели и дожидаться, пока ему тоже принесут чашку кипятку, а в урожайные годы — и чаю. В некоторые годы это случалось.

А если устанет женщина, то огонь будут разводить ее дети, много детей, которых она народит Ван Луну. Ван Лун перестал поддерживать огонь при мысли, что по этим трем комнатам будут бегать дети. Ему всегда казалось, что трех комнат для них слишком много, и дом их наполовину опустел с тех пор, как умерла мать. Приходилось постоянно оберегать дом от вторжения родственников, живших более тесно; особенно заискивал дядя, у которого был целый выводок детей.

— И зачем двум одиноким мужчинам столько места? Почему бы отцу с сыном не спать на одной

кровати? Старик будет кашлять меньше, если молодой сын согреет его своим телом.

Но старик неизменно отвечал:

— Я берегу свою постель для внука. Он будет греть мои кости на старости лет.

Теперь будут и внуки, пойдут внуки за внуками! Придется поставить кровати по стенам и в средней комнате. Дом будет полон кроватей.

Пламя в печи погасло, пока Ван Лун думал о кроватях, которые появятся в доме, и вода в котле начала стынуть. Темная фигура старика показалась в дверях, он придерживал рукой незастегнутое платье. Задыхаясь от кашля и отхаркиваясь, он простонал:

— Почему до сих пор нет воды и мне нечем согреть грудь?

Ван Лун удивленно смотрел на отца и потом, придя в себя, устыдился.

— Солома отсырела, — пробормотал он из-за печки, — ветер сегодня сырой.

Старик непрерывно кашлял до тех пор, пока не вскипела вода. Ван Лун налил кипятку в чашку и после минутного раздумья открыл фаянсовый кувшин, стоявший на печке, достал оттуда щепотку сухих, свернувшихся в трубочку листьев и бросил их в воду. Глаза старика жадно сверкнули, и он начал жаловаться:

— К чему лишние расходы? Пить чай — все равно что тратить серебро.

— Сегодня особенный день, — ответил Ван Лун с коротким смехом. — Пей и радуйся!

Старик ухватился за чашку сморщенными, узловатыми пальцами, что-то бормоча и словно по-

хрюкивая. Он смотрел, как листья разворачиваются и распускаются на поверхности воды, и все не решился выпить драгоценный напиток.

— Остынет, — заметил Ван Лун.

— Верно, верно, — сказал отец встревоженно и начал пить большими глотками горячий чай.

Старик наслаждался как ребенок. Но все же он не настолько забылся, чтобы не видеть, как Ван Лун щедрой рукой переливает воду из котла в глубокую деревянную лохань. Он поднял голову и уставился на сына.

— Тут воды хватит на целый огород, — сказал он неожиданно.

Ван Лун молчал, вычерпывая воду до последней капли.

— Довольно, говорю я тебе! — закричал отец.

— Я еще ни разу не мылся с Нового года, — тихо ответил Ван Лун.

Ему стыдно было сказать отцу, что он хочет вымыться дочиста, потому что сегодня его тело увидит женщина. Он заторопился и понес лохань в свою комнату. Дверная рама в его комнате перекосилась, и дверь прикрылась неплотно: старик засеменил в среднюю комнату и, приложив губы к дверной щели, закричал:

— Плохо будет, если мы начнем так стараться ради женщины: чай с раннего утра и все это мытье!

— Это только сегодня! — крикнул в ответ Ван Лун. — Я вылью воду на гряды, когда кончу, и она не пропадет.

Старик промолчал, и Ван Лун развязал пояс и сбросил с себя одежду. В полосе света, падавшей

из окна, он окунул в дымящийся кипяток полотенце, отжал его и начал с силой тереть свое смуглое гибкое тело. Хотя воздух показался ему теплым, ему стало холодно, когда он начал мыться, и быстрыми движениями он опускал полотенце в воду и выжимал его, пока все его тело не окуталось облаком тонкого пара. Потом он подошел к сундуку, который принадлежал его матери, и достал чистый синий халат. Может быть, ему будет холодно сегодня без ватной зимней одежды, но он чувствовал, что не в состоянии надеть ее на чистое тело. Верх был рваный и грязный, и вата лезла из дыр серыми свалявшимися клоками. Ему не хотелось, чтобы женщина в первый же день увидела его в грязной одежде, с торчащей из дыр ватой. Потом ей придется стирать и чинить, но не в этот первый день. Поверх синей бумажной куртки и штанов он надел длинный халат из той же материи — его единственный длинный халат, который он носил только по праздникам и надевал не больше десяти раз в год. Быстро перебирая пальцами, он расплел длинную косу, лежавшую вдоль спины, и, взяв деревянный гребень из ящика маленького колченогого стола, начал расчесывать волосы.

Отец опять подошел ближе и приложил губы к дверной щели.

— А мне что же, так ничего и не есть сегодня? Если я с утра не поем, у меня все кости ноют.

— Иду, иду! — отвечал Ван Лун, быстро заплетая косу и перевязывая конец черным шелковым шнурком с кисточкой.

Подумав минуту, он снял халат и, обмотав косу вокруг головы, пошел выносить лохань с водой. Он

совсем забыл о завтраке. Он сделает болтушку из кукурузной муки и даст отцу поесть. Сам он есть не хотел. Шатаясь, он донес лохань до порога и вылил на землю тут же, за дверь; выливая, вспомнил, что извел всю воду из котла на мытье и что ему придется снова разводить огонь. Он рассердился на отца.

— Этот старый дурень только и думает, как бы поесть и попить, — шепнул он в устье печи, но больше ничего не сказал.

Сегодня в последний раз он готовит обед для старика. Он принес в ведре воды из колодца за дверь и налил немного на дно котла. Вода быстро вскипела, он замесил болтушку и понес ее старику.

— Сегодня вечером, отец, мы будем есть рис, — сказал он. — А пока вот тебе кукуруза.

— В корзине осталось очень мало риса, — сказал старик, садясь за стол в средней комнате и размешивая палочками густую желтую массу.

— Ну что же, тогда мы меньше съедим в весенний праздник, — ответил Ван Лун.

Но старик не слышал. Он громко хлебал из своей чашки. Ван Лун ушел в свою комнату, снова надел длинный синий халат и размотал косу. Он провел рукой по бритой голове и щекам.

Может быть, лучше опять побриться? Солнце еще только всходит. Он успеет сходить на улицу цирюльников и побриться, прежде чем отправиться в дом, где его ждет будущая жена. Если бы у него были лишние деньги, он побрился бы. Он достал из пояса маленький грязный мешочек из серой материи и пересчитал деньги. Всего было шесть серебряных монет и большая горсть медяков. Он еще не

говорил отцу, что позвал друзей на ужин. Он пригласил двоюродного брата, младшего сына дяди, и самого дядю, как брата отца, и троих соседей-крестьян из своей деревни. В это утро он решил принести из города свинины, небольшую рыбу и горсть каштанов. Можно даже купить немного молодого бамбука с Юга и говядины, чтобы потушить ее вместе с капустой, которая растет у него на огороде. Но это только в том случае, если у него останутся деньги от покупки бобового масла и сои. Если он приобретет голову, то ему не хватит на говядину. Все-таки он приобретет голову, решил Ван Лун неожиданно. И он ушел из дому, не говоря ни слова старику.

Было раннее утро, когда он вышел на улицу. Заря была темно-красная, солнце поднималось из-за облаков на горизонте и сверкало на росинках, покрывавших всходы ячменя и пшеницы. По крестьянской привычке Ван Лун нагнулся посмотреть колосющиеся всходы: колосья были еще пустые и ждали дождя. Он втянул воздух и тревожно посмотрел на небо. По темным, тяжелодвигающимся облакам видно было, что собирается дождь. Он купит курительную палочку и поставит ее в маленьком храме богу Земли. В такой день можно это сделать.

Он шел полями по извилистой и узкой тропинке. Впереди поднималась серая городская стена. За воротами в этой стене, через которые он пройдет, стоит большой дом Хванов, где с самого детства живет в рабынях его будущая жена. Некоторые говорят: «Лучше жить одному, чем взять в жены рабыню из знатного дома». Но когда он сказал отцу:

— Разве у меня никогда не будет жены? — отец ответил:

— Свадьба по теперешнему времени обходится дорого, а все женщины еще до замужества требуют золотых колец и шелковых платьев, так что бедняку только и остается, что жениться на рабыне.

Его отец тогда же собрался и пошел в дом Хванов и спросил, нет ли у них лишней рабыни.

— Только не из слишком молоденьких и, главное, не из очень красивых, — сказал он.

Ван Луну было тяжело, что она будет некрасивая. Было бы хорошо иметь красивую жену, чтобы другие мужчины поздравляли его и завидовали. Отец, видя его недовольное лицо, закричал:

— А на что нам красивая женщина? Нам нужно, чтобы женщина смотрела за домом, рожала детей, работала в поле, а разве красивая женщина будет все это делать? У нее на уме будут только наряды. Нет, нам красивых женщин не нужно. Мы крестьяне. А кроме того, где это слыхано, чтобы хорошенькая рабыня оставалась девушкой? Все молодые господа досыта наиграются с ней. Лучше быть первым с безобразной женщиной, чем сотым с красавицей. Не думаешь ли ты, что твои крестьянские руки понравятся красивой женщине больше, чем нежные руки богача, и что твое загорелое лицо покажется ей лучше, чем золотистая кожа тех, кто брал ее для удовольствия?

Ван Лун знал, что отец говорит правду, тем не менее ему пришлось пережить внутреннюю борьбу со своей плотью. Потом он сказал резко:

— Я не женюсь на ней, если она рябая или с заячьей губой.

— Посмотрим, есть ли из чего выбирать, — отвечал отец.

Женщина оказалась не рябая и не с заячьей губой. Это было ему известно, но это было и все. Они с отцом купили два серебряных золоченых кольца и серебряные серьги, которые отец отнес к хозяину женщины в знак помолвки. И больше Ван Лун ничего не знал о своей будущей жене. Разве только то, что сегодня он может пойти за ней и привести ее.

Он вошел под прохладные и темные своды городских ворот. Мимо ворот целый день сновали водоносы, везя тачки, нагруженные большими кадками воды, и вода плескалась из кадок на каменные плиты. Под воротами, пробитыми в толстой стене, сложенной из кирпича и глины, всегда было сыро и прохладно, — прохладно даже в летний день. И продавцы дынь раскладывали на каменных плитах свой товар — дыни, разрезанные пополам, утоляющие жажду своей сочной и прохладной мякотью. Дынь еще не было, время для них еще не пришло, но корзины мелких и жестких зеленых персиков стояли вдоль стен, и продавцы выкрикивали:

— Первые весенние персики, первые персики! Покупайте и ешьте, очищайте ваши желудки от зимней отравы!

Ван Лун подумал: «Если она их любит, я куплю ей пригоршню, когда мы пойдем обратно».

Ему трудно было представить себе, что, когда он снова пройдет под этими воротами, позади него будет идти женщина.

За воротами он свернул направо и через минуту

очутился на улице цирюльников. Раньше его пришло немного народу: несколько человек крестьян, которые привезли овощи накануне ночью, чтобы продать их рано утром на рынке и вернуться к полевым работам. Всю ночь они дремали, дрожа от холода и согнувшись над своими корзинами, а теперь эти корзины стояли пустыми у их ног. Ван Лун свернул в сторону, чтобы его не узнали, потому что сегодня он не хотел слышать обычные шутки. По всей улице длинными рядами стояли цирюльники за своими столиками, и Ван Лун подошел к самому дальнему и сел на стул, сделав знак цирюльнику, который стоял, болтая с соседом. Цирюльник сейчас же подбежал и налил воды в медный тазик из стоявшего на жаровне чайника.

— Начисто побрить? — спросил он деловито.

— Да, голову и лицо, — ответил Ван Лун.

— Уши и ноздри прочистить? — спросил цирюльник.

— А сколько за это нужно доплачивать? — осторожно осведомился Ван Лун.

— Четыре медяка, — сказал цирюльник, начиная полоскать черную суконку в горячей воде.

— Я дам тебе два, — сказал Ван Лун.

— Тогда я прочищу одну ноздрю и одно ухо, — быстро возразил цирюльник. — Которое хочешь, левое или правое? — Он скроил рожу, глядя на соседа-цирюльника, и тот расхохотался.

Ван Лун заметил, что попал в руки к шутнику, и, безотчетно ставя себя ниже его, как и всегда при встрече с горожанами, хотя бы это были цирюльники и вообще невысокого полета люди, ответил:

— Как хочешь, как хочешь...

Он покорно дал цирюльнику мылить себя, тереть и брить, и так как тот был щедрый малый, то без добавочной платы ловкими шлепками по плечам и спине размял ему мускулы. Брея Ван Луна, он так отозвался о его наружности:

— Парень был бы неплох, если бы остригся. Теперь новая мода — обрезать косы.

Его бритва ходила так близко от небритой макушки Ван Луна, что тот закричал:

— Нет, нет, мне нельзя стричься, не спросившись у отца!

И цирюльник засмеялся и оставил в покое его макушку. Побрившись и отсчитав деньги в сморщенную от воды ладонь цирюльника, Ван Лун на мгновенье пришел в ужас. Какие траты! Но, идя по улице и ощущая свежий ветер на чисто выбритой коже, он сказал себе: «Ведь это только раз в жизни!»

Потом он пошел на рынок, купил свинины и смотрел, как мясник заворачивает покупку в сухой лист лотоса; потом, после некоторого колебания, купил немного говядины. Когда все было куплено, даже квадратики творога из сои, дрожащие, как студень, на капустном листе, он зашел в свечную лавку и там купил две курительные палочки. После этого он с великой робостью направился к дому Хванов.

Когда он подошел к воротам дома, его охватил страх. Зачем он пошел один? Нужно было попросить отца, или дядю, или даже соседа Чина, попросить хоть кого-нибудь пойти с ним вместе. Ему еще не приходилось бывать в доме Хванов. Как теперь

войти с покупками к свадебному пиру в руках и сказать: «я пришел за женщиной»?

Ван Лун долго простоял на одном месте, глядя на ворота. Они были плотно закрыты; две большие деревянные створки, выкрашенные черной краской и окованные железом, находили одна на другую. Два каменных льва стояли на страже, по одному с каждой стороны. И ни одной души, кроме него. Он повернул назад. У него не хватало смелости войти.

Вдруг он почувствовал слабость. Сначала нужно пойти и поесть немного. Он еще ничего не ел, забыл о пище. Он зашел в маленькую харчевню и сел, положив на стол два медяка. Грязный мальчик в лоснящемся черном фартуке подошел ближе, и он крикнул ему:

— Две чашки лапши!

Когда ее подали, он с жадностью проглотил лапшу, запихивая ее в рот бамбуковыми палочками, а мальчик стоял рядом и вертел медяки в черных от грязи пальцах.

— Еще хочешь? — спросил он равнодушно.

Ван Лун отрицательно покачал головой. Он выпрямился и посмотрел вокруг. В маленькой и темной, заставленной столами комнате не было никого знакомых. Несколько человек сидели за едой или за чаем. Это была харчевня для бедняков, и среди них он казался опрятным и чуть ли не богачом, так что проходивший мимо нищий начал просить, обращаясь к нему:

— Сжался, учитель, дай мне мелкую монету, я умираю с голода.